

Отзыв
официального оппонента
о диссертации Егоровой Светланы Олеговны
«Эволюция эсхатологических мотивов в творчестве Н.В. Гоголя»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10. 01. 01 - русская литература

Диссертационное исследование Светланы Олеговны Егоровой производит впечатление основательного труда, посвященного изучению эсхатологических мотивов в творчестве Н.В. Гоголя. Недостаточная изученность этого интереснейшего плана творчества Гоголя свидетельствует об актуальности представленной к защите работы, а предложенный в ней ракурс его изучения – о ее новизне. С точки зрения С.О. Егоровой, изучение эсхатологических мотивов в творчестве Гоголя не должно ограничиваться систематизацией библейских реминисценций. Эти мотивы, как полагает автор исследования, должны быть «рассмотрены в их динамике – как совокупность последовательно обуславливающих друг друга катастрофических смен мироустройства в рамках сквозного сюжета писателя» (стр. 16 диссер.).

Такой подход к предмету изучения вызывает и согласие, и одобрение. В самом деле, в творчестве Гоголя отчетливо прослеживается ряд последовательно сменяющих друг друга миров, каждый из которых наделен внутренней логикой существования и развития. Мир «Миргорода» со всей очевидностью отличается от мира «Вечеров...», а мир петербургских повестей – и от мира «Вечеров...», и от мира «Миргорода».

Изучая гоголевские миры с точки зрения эсхатологической перспективы, С.О. Егорова нацелена на то, чтобы найти и обосновать главные угрозы их существования.

Для мира «Вечеров...» и «Миргорода» такими угрозами, как полагает исследователь, являются возможность их «поглощения «праматеринской» волшебной-олицетворенной землей» (стр. 72 диссер.) и возможность распада патриархального народного единства под воздействием истории. Для фантазмагориче-

ски-бесовского мира петербургских повестей – имперский порядок и закон, олицетворением которого в «Ревизоре» выступает подлинный ревизор.

Такого рода обобщенно-схематичными выводами венчается – как того требует жанр – каждая глава диссертации С.О. Егоровой. Однако семантическое пространство самих глав много превосходит их итоговое формульное выражение.

Диссертация представляет собой чрезвычайно дифференцированный текст, в котором каждый – даже и небольшой – параграф представляет собой законченный относительно его замысла фрагмент, нередко содержащий такие наблюдения, которые позволяют С.О. Егоровой установить между элементами гоголевского мира новые связи и отношения. Привлекают внимание такие места работы, в которых указывается на парадигматические элементы гоголевского мира (к примеру – на связь через богатырский мотив «Вия», «Тараса Бульбы» и «Мертвых душ»), и такие места, где мысль получает точное и емкое выражение. К примеру, это мысль о том, что «казачье героическое прошлое оказывается для Хомя «передающей инстанцией» на пути в область хтонической земли» (стр. 50 диссер.).

Глубокие и интересные места нередки и во второй, и в третьей главах. Заслуживает внимания мысль о том, что сам факт уничтожения Башмачкина петербургским миропорядком таит в себе угрозу последнему из-за того, что, по сути, Акакий Акакиевич является «идеальной опорой петербургской иерархии», в том числе и в силу – как правильно отмечено – присущего ему «детски-бескорыстного игрового интереса к службе» (стр. 104 диссер.). Однако текст «Шинели» настолько сложен, что на каждый аргумент можно найти контраргумент. Находясь в положении перед значительным лицом, Башмачкин испытывает такое же потрясение, которое испытывают стоя перед грозным отцом Андрий, а перед Виём – Хома Брут. Не говорит ли этот ряд эквивалентностей о том, что Башмачкин, как и его предшественники, карается за своеобразное отступничество от миропорядка, которому он принадлежит?

Безусловно, интересна высказанная во второй главе диссертации и идея амбивалентности Петербурга в петербургских повестях: «...этот топос становится, с

одной стороны, средоточием бесовской химеры (буржуазности / иностранщины / безбожия), а с другой – имперским центром борьбы с нею» (стр. 121 диссер.).

Правда, есть в работе и то, что понуждает сделать замечание ее автору. Говоря в своей работе о гоголевских циклах, С. О. Егорова говорит все же не о циклах, а об отдельных входящих в их состав произведениях. Как представляется, для того чтобы в полной мере продемонстрировать, например, логику внутреннего самодвижения (в «Вечерах...» или в «Миргороде»), нужно иметь в виду все сцепления между образующими циклы произведениями. Не очень понятно, почему, к примеру, при рассмотрении «Миргорода» в центре внимания оказываются три повести («Старосветские помещики», «Вий» и «Тарас Бульба»), а не четыре. Между тем, для понимания эсхатологической проблематики цикла нельзя, по всей видимости, не учитывать, что в обрамляющих «Миргород» повестях (в «Старосветских помещика» и в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») репрезентированы два антитетических состояния – мир, лишенный потомства, и мир, его не лишенный, но абсолютно к нему безразличный. Такая антитеза заставляет обратить особое внимание на произведения, образующие своеобразное ядро цикла – «Тарас Бульба» и «Вий», в которых отношения между отцами и детьми (в Вие усматривают хтонического отца Хомы Брута) достигают трагического накала: отцы убивают своих детей.

Надо отметить, что автор диссертации демонстрирует впечатляющую осведомленность и в жанровой, и в фольклорно-мифологической, и в культурно-исторической областях. Широта такой осведомленности подкрепляется многочисленными отсылками к научной литературе. Впрочем, благодаря такому их обилию не всегда удается сразу провести границы между словом, идеей, наблюдением, принадлежащих автору диссертации, и словом, идеей, наблюдением, ему не принадлежащих. Есть обратная сторона и у дробной композиции диссертации: такая фрагментация несколько затрудняет уловлению общей смысловой логики исследования.

Особое значение для понимания гоголевской эсхатологии имеют, конечно, «Мертвые души» и все сопряженные с замыслом этого произведения контексты –

биографический, историко-культурный, религиозный и т. д. Рассмотрению «Мертвых душ» в эсхатологической перспективе посвящена третья глава диссертации. Своеобразие этой перспективы определяется тем, что эсхатологическая идея оказывается в тесном взаимодействии с идеей преображения.

Как справедливо полагает С.О. Егорова, возможность духовного воскрешения в «Мертвых душах» подчиняется заданной в «Ревизоре» логике: духовное воскрешение состоит «в истреблении ничтожной («плотской») оболочки характера, искажающей его идеальное естество (душу)» (стр. 158 диссер.). Нельзя не согласиться с автором диссертации и в том, что «в первом томе «Мертвых душ» впервые у Гоголя «конец света» в виде всеобщего омертвения оказывается не просто кануном, а необходимым рубежом и условием всеобщего воскрешения (стр. 158 диссер.).

Представляется существенным и важным выраженное в этой части диссертации положение о том, что эсхатологическая идея осмысливается в «Мертвых душах» принципиально иначе, чем в «Вечерах» и «Миргороде», – не с точки зрения патриархальной идеи, а с точки зрения со всей отчетливостью заданного в «Выбранных местах...» имперского идеала. При этом С.О. Егорова предлагает рассматривать «Выбранные места...» в качестве своеобразного ключа к пониманию эсхатологической перспективы «Мертвых душ».

Такой подход в целом также является правомерным. При этом, однако, нельзя не учитывать, что «Выбранные места...» – текст, знаменующий драматический переход Гоголя из области художественной в область проповедническую, из области литературной – в реальную. И связан этот переход в том числе и со страстным желанием Гоголя реализовать на деле одну из заповедных для него идей: внутреннее глубинное изменение – не важно, человека или государства – возможно только в результате потрясения, а для того, чтобы потрясение возможно было произвести, должен быть тот, кто возьмет на себя роль Потрясателя (в «Выбранных местах...» в такой роли осмысливается фигура Петра Великого).

Кажется, автором диссертации эта идея не совсем учитывается. А она могла бы придать ее обстоятельному труду дополнительную важную акцентировку. В

определенный момент, как представляется, Гоголь осознал, что такие миры, как мир «Вечеров» или «Миргорода», сами по себе не способны преодолеть заложенную в них внутреннюю ущербность. Кроме того, по устройству своему (имеющему, как было показано в диссертации, коренную связь с земляным началом) они не могли бы измениться и под воздействием внешней потрясающей силы. Таким образом, единственное, что им остается – это быть включенными в процесс медленного исторического самоизживания. А вот мир Петербурга в петербургских повестях устроен принципиально иначе. Его химеричность и фантазмагоричность, как это ни парадоксально, с точки зрения готовности к переменам несут в себе позитивное начало: мир, в котором может случиться все что угодно, представляется у Гоголя как бы внутренне готовым к кардинальному изменению и ждет только сильного толчка извне. В примыкающем к петербургским повестям «Ревизоре» и появляется наконец тот, кто, находясь над этим миром, способен произвести на него потрясающее воздействие – такое, которое бы оторвало этот мир от самого себя и понесло его, подобно тому, как в «Мертвых душах» птица-тройка понесет Русь. (Надо сказать, что это наше соразмышление построено с опорой на одно из ключевых мест третьей главы диссертации: «Искомым идеалом характера в первом томе предстает эпическое русское богатырство, но богатырство в изводе «Тараса Бульбы», то есть всеобщий переход в вечное движение / полет из состояния отдельности и неподвижности. Пластическим воплощением такого перехода становится в финале первого тома «Мертвых душ» двухступенчатое пророческое уподобление, а фактически – превращение брички Чичикова в «необгонимую тройку» – Русь (соединяющую в себе землю и народ в понятии государства), несущуюся по воздуху» (стр. 158 диссер.)).

По сути, выступая перед публикой с «Выбранными местами...», Гоголь взял на себя роль, которую он отвел в финале «Ревизора» настоящему ревизору. «Выбранные места...» должны были произвести потрясающее воздействие на Россию и заставить ее окаменеть и онеметь, подобно тому, как в немой сцене комедии окаменел и онемел город. Для того чтобы это произошло по-настоящему, Гоголю надо было подняться над всеми и над собой как художником. Но этого не случи-

лось. И это «не случилось» также не может быть исключено из гоголевской эсхатологии.

Впрочем, эти соразмышления могут быть расценены только в качестве попытки включения в мыслительный процесс, спровоцированной интересной и важной работой. Подводя итоги, следует сказать, что мы имеем дело с оригинальным исследованием, вносящим важный вклад в изучение творчества Н.В. Гоголя. Наши частные несогласия и сомнения не затрагивают общей высокой оценки представленной к защите работы.

Результаты диссертации полно отражены в публикациях, в том числе и в журналах, рекомендованных ВАК РФ. Основное содержание диссертации адекватно отражено в автореферате.

Вне всякого сомнения, представленная к защите работа Светланы Олеговны Егоровой соответствует Паспорту заявленной специальности и полностью соответствует критериям, указанным в пп. 9-11 и 13-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ 24 сентября 2013 г., № 842 (в ред. от 02.08.2016 г.), а его автор заслуживает присуждения исковой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Отзыв подготовлен доктором филологических наук, профессором кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Воронежский государственный педагогический университет» Савинковым Сергеем Владимировичем

Савинков

Савинков Сергей Владимирович

07 мая 2018 года

Контактная информация:
Савинков Сергей Владимирович
ФГБОУ «Воронежский государственный педагогический университет»
394043, Россия, г. Воронеж, ул. Ленина, 86
Тел. Рабочий +7 (473) 255 14 78
E-mail: vspihist@rambler.ru
Официальный сайт организации: <http://www.vspu.ac>.

Савинкова С.В. заверяю
Заведующий управлением кадров
ФГБОУ ВО «ВГПУ»
И.С. Полякова
07. мая 2018 года

**СПИСОК
ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ОФИЦИАЛЬНОГО
ОППОНЕНТА,**

доктора филологических наук, профессора
Сергея Владимировича Савинкова

по теме диссертационного исследования Светланы Олеговны Егоровой
«Эволюция эсхатологических мотивов в творчестве Н.В. Гоголя»

1. Немая сцена в творчестве Гоголя и логика преобразования // Н.В. Гоголь и его творческое наследие. Материалы докладов Международной научной конференции. Москва. 30 марта – 2 апреля 2010 года. Под общей редакцией В.П. Викуловой. М., Фестпартнер, 2010. – С. 174 – 182.

2. Неоконченность и окончательность: о формах бытия гоголевского человека // Савинков С. В., Фаустов А.А. Аспекты русской литературной характерологии. М.: Издательство Кулагиной — Intrada, 2010. – С. 92 – 108.

3. К типологии героев Гоголя: семантика «готовности» // Masarykova univerzita Filozoficka fakulta Ustav slavistiky. Litteraria Humanitas XV.N. V. Gogol: Byti dfla v prostoru a case (studie o zivem dedictvi). Brno, 2010. – С. 381 – 389.

4. Отчизна сечи и отчизна души в «Тарасе Бульбе» Н.В. Гоголя // Двенадцатые гоголевские чтения. Дом-музей писателя: «Н.В. Гоголь и традиционная славянская культура». Сборник научных статей по материалам научной конференции. Москва. 30 – 1 апреля 2012 года. Под общей редакцией В.П. Викуловой. М.: Новосибирский издательский дом, 2013.

5. Савинков С.В. На пути к русскому человеку: сотворение Гоголя // Характерологические стратегии в русской литературе. Воронеж : Научная книга, 2013. – С. 316 – 336.

6. Игры воображения. Историческая семантика в русской литературе (монография). Воронеж : Научная книга, 2013. – 336 с. (В соавторстве с Фаустовым А.А.)

7. Савинков С.В. Цена «полноты» и «совершенства»: Пушкин в рецепции Гоголя // «Учить других потребен гений, потребна сильная душа...». Сборник к юбилею А.Б. Ботниковой. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – С. 138 – 144.

8. Савинков С.В. О гоголевской стратегии авторского поведения 1840-х гг.: как развиваться до русского человека // Четырнадцатые гоголевские чтения: Сб. науч. конф., Москва, 29 марта – 1 апреля 2014 года. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2015. – С. 87 – 95.

9. Савинков С.В. Универсальные характеры русской литературы. Воронеж: ВГПУ, 2015. – 312 с. (В соавторстве с Фаустовым А.А.)

10. Савинков С.В. «Умягчитель» перед лицом «потрясателя»: Пушкин в рецепции Гоголя // Диалог согласия: сборник научных статей к 70-летию В.И. Тютюпы. М.: Intrada, 2015. – С. 365 – 370.

11. Савинков С.В. Немецкое versus русское в мышлении Н.В. Гоголя // Творчество Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения: сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции, Москва, 23–24 марта; Вена, 26–27 марта 2015 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Н. В. Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Видуковой. – М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2016. – С. 62–66.

12. Мое слово и слово без меня в творческой биографии Гоголя // Культура и текст. 2016, 2(25). С. 122 – 131. URL: <http://www.ct.uni-altai.ru/kultura-i-tekst-2016-225>

13. Савинков С.В. Как развиваться до русского человека и не превратиться в немца: об авторском поведении Н.В. Гоголя в 1840-е годы // Семиотика поведения и литературные стратегии: Лотмановские чтения – XXII / Ред.-сост. М.С. Неклюдова, Е.П. Шумилова. М.: РГГУ, 2017. 429 с. (Monumenta Humanitatis: Чтения ИВГИ – ИВКА – ЦТС Ф; Вып. 3 / Редкол. серии: Н.П. Гринцер, С.Ю. Неклюдов, И.С. Смирнов, Е.П. Шумилова). – С. 165 – 180.

14. Савинков С.В. «Мое слово» и «слово без меня» в творческой биографии Гоголя // Феномен творческого кризиса : монография / [Т. А. Снигирева и др.] ; под общ. ред. Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 205 – 213.

